

УДК 821.111(091)-31“19”
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134

ПАМЯТЬ И НАРРАТИВ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ОСТАТОК ДНЯ»

Тамара Львовна Селитрина

д. филол. н., профессор кафедры романо-германского языкознания
и зарубежной литературы

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

450092, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3. Selitrina@yandex.ru

SPIN-код: 8794-0210

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0357-2218>

ResearcherID: S-5226-2016

Статья поступила в редакцию 18.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селитрина Т. Л. Память и нарратив в романе К. Исигуро «Остаток дня» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 125–134. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134

Please cite this article in English as:

Selitrina T. L. Pamyat' i narrativ v romane K. Isiguro «Ostatok dnya» [Memory and Narrative in Kazuo Ishiguro's 'The Remains of the Day']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 125–134. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134 (In Russ.)

Отечественные критики роман Исигуро «Остаток дня» обычно оценивают как своего рода травелог, рассказывающий о феномене «английскости» и английской сдержанности. Некоторые говорят даже о влиянии японского менталитета и японской философии, проявляющемся в изображении главного героя, дворецкого Стивенса. Исследователь, с опорой на собственные высказывания писателя, констатирует, что задача Исигуро не заключалась в том, чтобы изобразить обыденную жизнь типичного английского дворецкого середины прошлого века, а, напротив, попытаться раскрыть две весьма актуальные, на его взгляд, проблемы: политическую и психологическую. Цель данной статьи: проследить на материале романа, как память и нарратив пересекаются в организации и осмыслении жизненного опыта, оформляя его в словесный рассказ главного героя. Категория нарратива дает возможность глубже раскрыть процесс смыслообразования на уровне построения сюжета. Нарратив придает содержанию статус события, причем в наличии имеются два события: событие, о котором рассказано, и событие самого рассказа. Показывается, что одной из характерных примет искусства нарратологии у Исигуро является сюжетное событие, перемещение персонажа через границу семантического поля. Основой сюжета становится столкновение ошибочного представления о человеке и мире с истинным. Жизнь и судьба дворецкого Стивенса, его понимание достоинства человеческой личности оказались мнимыми и ложными, а сам персонаж соотносится с термином Хайдеггера *Das Man*, поскольку он выбирает неподлинное существование, бездумно приспосабливаясь к установленным порядкам и образцам.

Ключевые слова: К. Исигуро; «Остаток дня»; политический роман; психологический роман; память; нарратив; Ю. Лотман; В. Шмидт; современная английская литература; образ дворецкого.

В современной аксиологии принято рассматривать память как хранительницу смыслов и ценностей культуры, как «основу поступательно-го движения истории и источник прозрения истины» [Воротникова 2010: 66].

В своей книге «История как искусство памяти» Патрик Х. Хаттон заметил, что «тема памяти

в наши дни вызывает широкий интерес в гуманитарных науках. На ней пересекаются исследования культур-антропологов, психологов, литературоведов и специалистов по устной традиции, с недавнего времени объединяющих свои усилия с целью разгадать загадки памяти» [Хаттон 2004: 33]. По мнению Хаттона, «здравый смысл пред-

полагает, что мы нуждаемся в прошлом и обязаны поддерживать живую связь с миром. Все размышления поэтов и философов о природе памяти на протяжении столетий говорят о взаимодействии между повторением и воспоминанием. Противоречие между ними было таким же древним, как и греческий миф о Мнемозине, в одно и то же время богини воображения и памяти, и именно этот миф даровал памяти ее особую двусмысленность. Она приводит прошлое в настоящее, однако окрашивает его в свои особые цвета и оттенки» [Хаттон 2004: 15]. Именно на принципе воспоминания событий 20–30-х гг. XX в. строится роман Исигуро «Остаток дня», в котором изображено шестидневное путешествие дворецкого Стивенса из поместья Дарлингтон Холл в Оксфордшире на Юго-Западное побережье Англии. Поездка Стивенса связана со стремлением упрямой бывшую экономку мисс Кентон вернуться к ее прежним обязанностям, хотя минуло без малого двадцать лет. Главам книги присваиваются названия английских городов и местностей, но автор более озабочен пейзажем человеческой души, анализом духовного климата рассказчика. «Поприще памяти – это поприще души», – замечает Н. К. Гей в статье «Память историческая и память художественная» [Гей 2014: 189].

Как правило, исследователи рассматривают этот роман как своеобразный травелог, дающий возможность раскрыть феномен «английскости» в изображении Солсбери, Дорсета и Девона, а также типичного аристократического поместья Дарлингтон Холл с его тенистым садом, цветниками и всеми артефактами загородного дворца (портреты предков, фамильное серебро, редкий фарфор) [Сидорова 2005: 212]. Зарубежные и отечественные ученые делают акцент на значении сдержанности как отличительного качества английского национального самосознания [Джумайло 2011: 190]. Исследователь английской литературы Майк Петри считает, что история в романе Исигуро предстает скорее как фон. Ученый рассматривает книгу Исигуро в первую очередь как психологическую драму, целью которой является изобразить национальный характер: «In fact, despite his un-English sounding name, Kazuo Ishiguro is no doubt a truly “English writer” – someone who is deeply rooted in the English language and culture. ... The novel is as English as its butler-narrator, and its “Englishness” is actually rather important for what it is trying to say, because it is concerned, among many other things, with just that kind of stereotyping I have made myself guilty of in the foregoing statements, as I implied that there was something like a national character in the first place» [Petry 1999]. В свою очередь, Брайан Шаффер полагает: «Ishiguro’s third, best-known, Booker Prize-winning novel is also a provocative

examination of England’s nostalgic, sentimental myths about its past and a commentary on its presently burgeoning “heritage industry”» [Shaffer 2006: 157]. Ю. П. Шевченко рассматривает роман с точки зрения «стереотипа английского юмора» [Шевченко 2017: 427]. В. Минина замечает, что «это роман об английскости, политический и социальный роман» [Минина 2018: 78].

События переданы в ретроспекции главного героя начиная с июля 1956 г., времени начала повествования, и постепенного перемещения в предвоенные 20–30-е гг. XX в.

Сам автор подчеркивает, что его цель не состояла в том, чтобы изобразить жизнь типичного дворецкого 1930-х гг. Исигуро признается, что ему не доводилось воочию быть знакомым с каким-либо дворецким из старых поместий. Для него «дворецкий в определенном смысле метафора» [Исигуро 2012: 152] (“I’ve chosen the figure of a butler for metaphorical reasons” [Ishiguro 1993: 100]), поскольку этот образ дал возможность писателю раскрыть две животрепещущие и актуальные, по его мнению, проблемы. Одна из них политическая, другая – психологическая.

Размышляя во время путешествия о прожитой жизни, как он полагает, весьма достойной, дворецкий искренне сочувствует мисс Кентон, которая однажды в письме к нему призналась, что будущее представляется ей пустыней. В отличие от Кентон, Стивенс уверен, что сам он прожил яркую, насыщенную жизнь. Услужливая память подсказывает ему наиболее примечательные эпизоды, «поворотные пункты в жизни», «turning points», которые ему кажутся кульминационными вехами: события 1922–1923 гг. и 1936–1938 гг. Он служил дворецким у лорда Дарлингтона, бывшего высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел, проводившего у себя в поместье неофициальные международные конференции в марте 1923 г. в преддверии официальной конференции в Женеве. Ему особо памятен эпизод из 1920 г., когда лорд Дарлингтон предпринял первую из своих многочисленных поездок в Берлин. Вернувшись в очередной раз из Германии в мрачном состоянии духа, он заметил Стивенсу, что в традициях Великобритании считается позором унижительное обращение с поверженной нацией, что «...в Версале была допущена несправедливость и безнравственно продолжать наказывать народ за войну, которая уже кончилась» [Исигуро 2012: 101] (“...fair play had not been done at Versailles and that it was immoral to go on punishing a nation for a war that was not over” [Ishiguro 1993: 75]). Он ратует за замораживание германских репараций и вывод французских войск из Рура, стремясь убедить в этом своих гостей: французского дипломата Дюпона и американского политика Льюиса.

Выдающийся отечественный историк И. Дьяконов заметил, что «роковой, но с исторической точки зрения понятной ошибкой держав-победительниц было взыскание с побежденных держав, главным образом с Германии, непосильных и рассчитанных на десятилетия репараций, что резко снижало жизненный уровень немцев и столь же резко повысило уровень дискомфорта» [Дьяконов 1994: 292]. В конце концов в 1926 г. Германия была принята в Лигу Наций исходя из положения о том, что членство Германии в Лиге Наций будет сдерживать активность германских националистов и реваншистов. В анализируемом романе американский дипломат Льюис пронизательно предупреждает о возможном будущем реванше Германии, называя собравшихся в поместье политиков, и хозяина в том числе, любителями, а не профессионалами. По его мнению, время любителей прошло, в международной политике не может быть мечтателей. Стивенс, присутствующий на этих дебатах, свято верит, что он помогает своему господину, считающему что эти конференции «способствуют прогрессу человечества» [Исигуро 2012: 152] («furthering the progress of humanity» [Ishiguro 1993: 114]). Для него моральные достоинства хозяина Дарлингтона выше всех похвал. Стивенс уверен, что мир подобен вращающемуся колесу, а великие дома (в одном из них он служит) – ступицы этого колеса. И непрерываемые решения, которые исходят из этого центра, распространяются на весь мир. За долгие годы службы у Дарлингтона Стивенс пришел к твердому мнению о том, что государственные решения принимаются за закрытыми дверями в тиши «великих» (great) домов, а пышные церемонии лишь венчают кропотливую работу, продолжающуюся долгие месяцы. И он, Стивенс, таким образом, вносит скромную лепту в создание «совершенного мира», профессионально служа великим людям современности, тем, кому, он считает, вверена судьба цивилизации.

В воспоминаниях Стивенса вторым поворотным моментом в жизни были события 1936–1937 гг., когда в Дарлингтон Холле в неофициальных встречах обсуждали будущее Европы министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс и германский посол Риббентроп. Теперь, в 1956 г., Стивенс сознает, что Риббентроп приезжал с одной единственной целью – «направлять кампанию по обману общественного мнения в Великобритании» [Исигуро 2012: 152] (“*Herb Ribbentrop's sole mission in our country was to orchestrate this deception*” [Ishiguro 1993: 136]).

Но тогда в далеком 1936 г., по наблюдению Стивенса, «многие видные дамы и джентльмены нашей страны» были в полном восторге от Риббентропа и приглашали его к себе в качестве почетного гостя» [Исигуро 2012: 152] (“...many of

the most distinguished ladies and gentlemen in this country” [Ishiguro 1993: 136]). Сам лорд Дарлингтон пользовался гостеприимством нацистов в своих поездках в Германию в период «Нюрнбергского слета» и, таким образом, поддерживал связи с заведомым врагом. Хозяин Дарлингтона был также тесно связан с организацией Британского союза фашистов и уволил двух служанок-евреек, которые до этого преданно проработали у него в доме без малого семь лет.

В своих суждениях Стивенс стремится защитить хозяина от обвинения в пособничестве нацистам, объясняя тогдашнее поведение лорда Дарлингтона тем, что он «любил находиться в центре событий» [Исигуро 2012: 152]. (“the sort of gentleman who cared to occupy himself only with what was at the true centre of things” [Ishiguro 1993: 136]), что люди, которых он привлекал на протяжении тех лет, «невообразимо далеко отстояли от гнусных экстремистских группировок» [Исигуро 2012: 152] (“the figures he gathered together in his efforts over those years were as far away from such unpleasant fringe groups as one could imagine” [Ishiguro 1993: 137]) – чернорубашечников (“the blackshirts”). По мнению Стивенса, это были влиятельные «в Британской жизни фигуры: политики, дипломаты, военные, духовенство. Более того, некоторые из них были евреями» [Исигуро 2012: 182] (“these were figures who held real influence in British life: politicians, diplomats, military men, clergy. Indeed, some of the personages were Jewish” [Ishiguro 1993: 137]). На протяжении своей поездки дворецкий ведет диалог с незримым оппонентом, оправдывая свое стремление угодить хозяину тем, что «дворецкому выпала честь исполнять свои профессиональные обязанности там, где вершились великие дела» [Исигуро 2012: 184] (“one has had the privilege of practicing one's profession at the very fulcrum of great affairs” [Ishiguro 1993: 138]), когда с известным правом можно сказать: «твой труды явились пусть весьма скромным, но все же вкладом в движение исторического прогресса» [Исигуро 2012: 184] (“the satisfaction of being able to say with some reason that one's efforts, in however modest a way, comprise a contribution to the course of history” [Ishiguro 1993: 138]). Стивенс уверяет себя, «окидывая мысленным взглядом пройденный путь», что «он испытывает самое полное удовлетворение и благодарит судьбу за то, что ему «было дано сподобиться такой милости» [Исигуро 2012: 167] (“I am today nothing but proud and grateful to have been given such a privilege” [Ishiguro 1993: 126]). Перечитывая уже в дороге письма мисс Кентон, Стивенс запоздало признается, что он принял желаемое за действительное, что в ее письмах не было стремления вернуться к прежней жизни. По сути все произ-

ведение Исигуро – анализ главным героем пройденного жизненного пути и стремление доказать самому себе целесообразность и логичность каждого из совершенных им поступков. Он убеждает себя в том, что прожил достойную жизнь и что каждый из его поступков отличался особым достоинством: он не покинул важных гостей лорда Дарлингтона, когда его отец лежал на смертном одре. Он не захотел прочитать в глазах мисс Кентон настоящее большое чувство к нему, и она вышла замуж за другого. А он, Стивенс, легко несет бремя одиночества. Он не хотел увидеть в прежнем владельце поместья человека, долгие годы пособничавшего нацистам. Всякий раз Стивенс уверял себя в достойном завершении сложных и трудных ситуаций, в которых он оказался. Более того, он даже считал, что своим молчаливым одобрением помогал хозяину осуществлять его планы, поскольку сохранял невозмутимость, действуя сообразно обстоятельствам. За долгие годы службы он выработал хорошее произношение и безукоризненное словоупотребление, умение сохранять на лице выражение, в котором личное достоинство гармонично сочеталось с готовностью услужить, умение обуздывать душевные переживания и способность к самоконтролю в минуту сильного возбуждения и сохранение профессиональной невозмутимости в самых сложных ситуациях.

Одной из характерных примет искусства нарратологии Исигуро является сюжетное событие. По формулировке Ю. М. Лотмана, «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля», «значимое отклонение от нормы», «пересечение запрещающей границы» [Лотман 1970: 282]. Интерпретируя этот тезис, Вольф Шмид пишет о пересекаемой границе, которая может быть топографической, прагматической, этической, психологической или познавательной: «таким образом, событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного, в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира» [Шмидт 2008: 22]. В системе данной концепции поездку Стивенса к мисс Кентон можно трактовать как тайную надежду на счастливое стечение обстоятельств и возможность обретения душевного покоя в «остаток дня» вместе с бывшей экономкой. Однако ее признание противоречит его ожиданиям.

Вольф Шмид основными критериями событийности называет «изменение состояния», «релевантность изменения» и «непредсказуемость» [там же: 28]. Стивенс пережил «ментальное событие», у него наступило запоздалое прозрение, осознание беспочвенности надежд и устремлений, полного краха его жизненных ценностей. Он не ожидал, что судьба мисс Кентон в конце

концов сложилась благополучно, что она ожидает рождения внучки и таким образом надеется на продолжение рода. У мисс Кентон есть будущее. Прозрение героя выступает как основное сюжетное событие романа. Жизнь Стивенса осмыслена в романе социально и нравственно-философски. Само путешествие, дорога на запад Англии, может трактоваться как линия, отделяющая прошлое от воображаемого будущего. Впервые перед Стивенсом открылся поэтический мир природы. Вместо замкнутого пространства Дарлингтон Холла перед ним открылись окрестности Солсбери с полями, убегающими одно за другим до самого горизонта, пологие холмы и долины, Мортимеров пруд (Mortimer's Pond) Дорсета. Впервые он ощутил краски, звуки, запахи окружающего мира. Когда он ранним утром в Солсбери обозревал раскинувшиеся перед ним земли, то «отчетливо испытал редкое чувство, которое не спутаешь ни с каким другим, чувство человека перед лицом величия» [Исигуро 2012: 40] (“I distinctly felt that rare, yet unmistakable feeling – the feeling that one is in the presence of greatness” [Ishiguro 1993, 28]): «свою родину мы называем Великобританией, осмелюсь утверждать, что один наш ландшафт уже оправдывает это название» [Исигуро 2012: 40] (“We call this land of ours Great Britain... Yet I would venture that the landscape of our country alone would justify the use of this lofty adjective” [Ishiguro 1993: 28]).

Но мимолетное ощущение простора и свободы побеждается привычным чувством замкнутости и внутренней скованности. Он сознательно отстраняется от живой жизни, замкнувшись в панцире ложного существования. Стивенс не растет внутренне, он не живет естественной человеческой жизнью. Свой интерес к любовным романам (мисс Кентон однажды случайно застала его за чтением беллетристики) он объяснил стремлением почерпнуть из книг подобного рода куртуазию возвышенной стилистики, необходимую ему для работы в поместье. Однако в этой детали ощущим эмоционально окрашенный знак интереса к чужой жизни, к чужим чувствам и страстям, к тому, чего он сам бесповоротно лишен.

Олицетворением живой, естественной жизни является мисс Кентон. Она косвенно выражает свои чувства к нему. Приносит вазу с цветами, «чтобы оживить его покои» [Исигуро 2012: 71] (“brighten your parlour” [Ishiguro 1993: 52]). Экономка объясняет этот естественный для неё жест стремлением привнести небольшую долю уюта и тепла в его «темную и унылую» (“dark and cold”) комнату: «на улице яркое солнышко» (“it's such bright sunshine outside”) и «с цветами будет повеселее» [Исигуро 2012: 71] (“these (the flowers) would enliven things a little”) [Ishiguro 1993: 52]). Она советует ему обратить внимание на драх-

лость отца, уже не справляющегося с работой в поместье.

Внутренне драматичное состояние мисс Кентон обычно заслонено нейтральным поведением и становится ясным путем немногих, коротких, прямых высказываний, лишь косвенно выражающих скрытые чувства. В её поведении ощутимы внутренние тоскующие призывы к иному существованию, чувство поэзии жизни. Когда мисс Кентон в короткие минуты отдыха по вечерам из окна гостиной любуется лучами заходящего солнца, она как бы призывает Стивенса уйти от монотонного ежедневного существования, бесконечных проверок служебных обязанностей прислуги.

Настойчивому жизненному порыву мисс Кентон Стивенс отчаянно сопротивляется из-за боязни ответственных решений и активного действия. Погружаясь в бесконечный внутренний монолог, Стивенс видит в себе личность с высокими достоинствами, но по сути он давно превратился в безликого *Das Man* (по хайдеггеровской терминологии), о чем свидетельствуют детали его стандартной речи, привычек, одежды.

Собираясь в поездку, Стивенс делает ревизию своим костюмам, некогда принадлежащим гостям лорда Дарлингтона, много лет тому назад подаренными ему и давно вышедшими из моды. Он садится за руль форда, принадлежащего новому хозяину, американцу Фарадею. Остановившись в маленьких гостиницах, Стивенс старается по возможности не упоминать место службы, поскольку его бывший хозяин после войны подвергся всеобщему остракизму и презрению. До недавнего времени Стивенс гордился красотой старинного поместья Дарлингтон Холл, однако лепнина и карнизы показались гостю Фарадею, миссис Уэйкфилд, «умелой подделкой под старину» [Исигуро 2012: 165] (“It looks to me like it’s mock” [Ishiguro 1993: 123]), а не украшением XVIII в. Когда на вопрос миссис Уэйкфилд, служил ли Стивенс у прежнего хозяина, тот ответил отрицательно, она и Стивенса назвала «подделкой» [Исигуро 2012: 165] (“mock” [Ishiguro 1993: 123]).

Свое поведение он объяснил впоследствии Фарадею стремлением не распространяться о жизни бывшего владельца, мотивируя английскими негласными правилами, якобы существующими в их среде, чем несказанно удивил американца.

По пути следования на запад в небольших местечках Стивенса часто принимали за важного джентльмена из-за его изысканной вежливости, дорогих костюмов и автомобиля. Лишь безымянный шофер, заправивший водой автомобиль, да доктор Ричард Карлейль безошибочно определили профессию Стивенса. Карлейль с юмо-

ром заметил: «наши местные непременно должны были принять вас, по меньшей мере, за лорда или за герцога» (“The likes of the people here, they’re bound to take you for at least a lord or a duke”). Должно быть, неплохо, когда тебя время от времени принимают за лорда» [Исигуро 2012: 269] (“It must do one good to be mistaken for a lord every now and then” [Ishiguro 1993: 208]). Услышав, что жители местечка в присутствии Стивенса вели оживленную дискуссию о достоинстве личности, Карлейль насмешливо поинтересовался о мнении Стивенса на этот счет. «Оно сводится к тому, чтобы не раздеваться на глазах у других», – ответил Стивенс. («Что сводится?») – машинально спросил доктор. В ответ он услышал: «Достоинство» [Исигуро 2012: 269] (“But I suspect it comes down to not removing one’s clothing in public”. “Sorry. What does?” “Dignity, sir” [Ishiguro 1993: 208]). Стивенс ответил фразой, вероятно, давно им лелеемой.

Ричард Карлейль, приехавший на работу в Корнуолл в 1949 г., по его словам, «ярким социалистом», верил «в лучшее медицинское обслуживание для всего народа... что социализм обеспечит людям достойную жизнь» [Исигуро 2012: 272] (“...when I first came out here, I was a committed socialist. Believed in the best services for all the people and all the rest of it. First came here in forty-nine. Socialism would allow people to live with dignity” [Ishiguro 1993: 210]). В этой идее выражена активная жизненная позиция. Его время и пространство насыщено каждодневным деятельным трудом, поэтому он с иронией относится к «посиделкам» деревенских жителей: «местные хотят, чтобы их оставили в покое, позволили жить себе тихо и мирно» [Исигуро 2012: 272] (“People here want to be left alone to lead their quiet little lives. They don’t want to be bothered with this issue and that issue” [Ishiguro 1993: 209]).

Суждение Стивенса о достоинстве можно толковать лишь в этическом плане, как умение держать эмоции под контролем, в этом контексте не усматривается деятельностного начала. Догадываясь, что Стивенс служит дворецким, доктор Карлейль моментально теряет к нему интерес. Но разговор о достоинстве, поднятый жителями деревни, встревожил Стивенса. Один из них, Гарри Смит, уверен, что «достоинство – оно не только для одних джентльменов. Достоинство – это то, к чему стремятся и чего могут добиться все мужчины и женщины нашей страны [Исигуро 2012: 241] (“Dignity isn’t just something gentlemen have. Dignity’s something every man and woman in this country can strive for and get” [Ishiguro 1993: 186]). В конце концов, ради этого мы с Гитлером воевали. Если бы вышло, как хотел Гитлер, мы бы теперь в рабах ходили. Все человечество разделилось бы на горстку хозяев и

множество миллионов рабов. А всем тут и так понятно, что в рабском состоянии нет никакого достоинства» [Исигуро 2012: 241] (“That’s what we fought Hitler for, after all. If Hitler had had things his way, we’d just be slaves now. The whole world would be a few masters and millions upon millions of slaves. And I don’t need to remind anyone here, there’s no dignity to be had in being a slave” [Ishiguro 1993: 186]).

Стивенс с удивлением обнаружил, что вопросы большой политики обсуждают не государственные деятели, а простые фермеры. До недавнего времени он был абсолютно убежден, что «простые люди способны усваивать и познавать до какого-то определенного предела и ожидать от всех и каждого, чтобы они со своими «твердыми взглядами» принимали участие в рассмотрении великих общенациональных проблем, разумеется, неразумно» [Исигуро 2012: 241] (“There is, after all, a real limit to how much ordinary people can learn and know, and to demand that each and every one of them contribute ‘strong opinions’ to the great debates of the nation cannot, surely, be wise” [Ishiguro 1993: 194]). Тем более что ему припомнился случай из 1935 г., когда гости лорда Дарлингтона, несколько захмелевшие, задали ему провокационный вопрос: «какой внешнеполитический курс нам избрать?» [Исигуро 2012: 258], на что Стивенс ответил, что это не входит в его сферу и что в этом вопросе он некомпетентен (“I’m very sorry, sir,” I said, “but I am unable to be of assistance on this matter” [Ishiguro 1993: 195]).

Лорд Дарлингтон, произнесший тираду во славу сильной власти в Германии и Италии, уверенно заявил, «что нельзя требовать от обычного рядового человека, чтобы он разбирался в политике, экономике, мировой торговле и прочих материях» [Исигуро 2012: 258] (“The man in the street can’t be expected to know enough about politics, economics, world commerce and what have you” [Ishiguro 1993: 199]).

Уже постфактум, в своей воображаемой полемике с Гарри Смитом, Стивенс отвечает: «давайте раз и навсегда договоримся: долг дворецкого – образцово служить, а не соваться в дела государственной важности. Ведь это же факт, что столь великие дела всегда будут выше нашего с вами разумения» [Исигуро 2012: 260] (“Let us establish this quite clearly: a butler’s duty is to provide good service. It is not to meddle in the great affairs of the nation. The fact is, such great affairs will always be beyond the understanding of those such as you and I...” [Ishiguro 1993: 199]). Более того, Стивенсу даже показалось, что высказывание Гарри Смита созвучно с «идеалистическими заблуждениями, которые охватили значительные слои нашего поколения в 20-е – 30-е годы: быто-

вавшие среди лиц нашей профессии частные мнения о том, что всякому дворецкому с серьезными устремлениями следует вменить себе в обязанность все время переоценивать хозяина, критически изучая побудительные мотивы его действий и вникая в скрытый смысл его взглядов» [Исигуро 2012: 260] (“Indeed, Mr. Harry Smith’s words tonight remind me very much of the sort of misguided idealism which beset significant sections of our generation throughout the twenties and thirties. I refer to that strand of opinion in the profession which suggested that any butler with serious aspirations should make it his business to be forever reappraising his employer – scrutinizing the latter’s motives, analysing the implications of his views” [Ishiguro 1993: 199]).

По мнению Стивенса, подобные взгляды «есть следствие неверного хода мыслей» [Исигуро 2012: 262] (“the result of misguided thinking” [Ishiguro 1993: 199]). Он вспоминает, что дворецкие подобного рода, часто разочаровавшиеся в своих хозяевах и меняющие их друг за другом, исчезали из профессии. Он полагает, что всякий «кто стремится выработать собственные твердые взгляды на дела своего хозяина, непременно утрачивает одно принципиальное качество: преданность» (“...a butler who is forever attempting to formulate his own ‘strong opinions’ on his employer’s affairs is bound to lack one quality essential in all good professionals: namely, loyalty”). Хозяин олицетворяет все, что я считаю благородным и достойным восхищения. Отныне всего себя отдаю ему в услужение. Таким, как мы с вами, никогда не постичь огромных проблем современного мира, а поэтому лучше всего безоглядно положиться на такого хозяина, которого мы считаем достойным и мудрым, и честно и беззаветно служить ему по мере сил» [Исигуро 2012: 260] (“If a butler is to be of any worth to anything or anybody in life, there must surely come a time when he ceases his searching; a time when he must say to himself: “This employer embodies all that I find noble and admirable. I will hereafter devote myself to serving him” [Ishiguro 1993: 200]).

Правда, с течением времени выяснилось, что «поступками лорда Дарлингтона «двигали заблуждения, а то и недомыслие...» [Исигуро 2012: 262] (“Darlington’s efforts were misguided”). «У меня же, со своей стороны, нет решительно никаких оснований о чем-то жалеть или чего-то стыдиться» [Исигуро 2012: 262] (“...is quite illogical that I should feel any regret or shame on my own account” [Ishiguro 1993: 201]).

Внимая суждениям обитателей деревни о жизни и политике, на вопрос, чем он сам занимается, он ответил: «Внешней политикой» (“I tended to concern myself with international affairs more than domestic ones. Foreign policy, that is to say”), при-

бавив, что в былые годы был знаком и с Черчиллем, и с Иденом. Стивенс не тщеславный человек, он не собирался выказать себя государственным деятелем. «Просто так получилось» [Исигуро 2012: 262] (“It has been my good fortune” [Ishiguro 1993: 187]), – объяснил он Карлейлю.

Основой сюжета становится столкновение ошибочного представления о человеке и мире с истинным. Роман Исигуро многопланен, в нем совмещается публицистическое начало с драматическим и лирико-эмоциональным. В сцене прощания с мисс Кентон раскрываются особые связи между выражением и выражаемым. Когда она, с глазами полными слез, говорит ему, что ее жизнь могла бы сложиться и посчастливее, у него самого «разрывалось сердце» (“my heart was breaking”). Но он, как всегда, сохраняет эмоциональную сдержанность и советует ей «хорошо о себе заботиться, поскольку для супругов только начинается лучшая пора жизни» [Исигуро 2012: 262] (“Now, Mrs. Benn, you must take good care of yourself. Many say retirement is the best part of life for a married couple. You must do all you can to make these years happy ones for yourself and your husband” [Ishiguro 1993: 239]).

Лишь в финале он переживает величайшее и глубочайшее отчаяние, с содроганием осознает вдруг открывшуюся перед ним полную бессодержательность его собственной жизни: «я отдал все лучшее, что у меня было лорду Дарлингтону, а теперь у меня ... В общем... Оказалось, что у меня не осталось почти ничего, что можно отдать» ... (“I gave my best to Lord Darlington. I gave him the very best I had to give, and now – well – I find I do not have a great deal more left to give”). «Его светлость был человеком отважным. Он выбрал в жизни свой путь, как потом оказалось, неверный, но выбрал сам, это, по крайней мере, он мог утверждать. А я – я даже этого не могу про себя сказать. Я даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом: а много ли в этом достоинства» [Исигуро 2012: 317] (“His lordship was a courageous man. He chose a certain path in life, it proved to be a misguided one, but there, he chose it, he can say that at least. As for myself, I cannot even claim that. You see, I *trusted*. I trusted in his lordship’s wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can’t even say I made my own mistakes. Really – one has to ask oneself – what dignity is there in that?” [Ishiguro 1993: 242–243]). Казалось бы, его служба и служение лорду Дарлингтону образовали ту матрицу, которая способствовала выявлению черт его индивидуальности – честно нести свою службу.

В данном контексте уместен хайдеггеровский термин “Dasein” (бытие). Этот термин создан

немецким философом для того, чтобы описать способ существования человеческого существа, который отечественными учеными интерпретируется следующим образом: «...“человек” (свободный человек) не творит себя (собственное бытие на пустом месте и некоем пустом пространстве: он изначально заброшен в природу и культуру “места”... Важнейший, судьбоносный вопрос для человека – в том, находит ли он в своей “доле” собственную «сущность», которая соответствовала бы этой «доле». Человек, таким образом, самым своим бытием оказывается заброшенным в «истину бытия». Это значит, что искать-то свою “сущность”, свое «предназначение», свое “место в жизни” где-то далеко, пытаться “делать жизнь” с кого-то – значит осуждать себя на “бытийную неподлинность”! Подлинное бытие – собственное, а не заемное, и оно обнаруживается в “открытости” человеческого существа» [Зотов 2012: 362–363].

Философ утверждал, что человеческая жизнь радикально отлична от других форм жизни, потому что способна познать себя и размышлять об этом бытии. Как считал Хайдеггер, человеческие существа могут выбрать подлинную жизнь, полностью понимая свое положение в мире, или неподлинное существование наподобие автоматов, бездумно приспособляясь к установленным порядкам и образцам.

Стивенс до финальной встречи с мисс Кентон был абсолютно уверен в своей непогрешимости, самобытности и самореализованности подлинной жизни. Встреча с мисс Кентон, продолжающей его любить, поведавшей о себе, о муже, которого она долгое время не могла оценить по достоинству, о взрослой дочери разрушает самоуверенность героя и раскрывает перед ним полную бессодержательность его собственной жизни. Стивенс переживает величайшее и глубочайшее отчаяние, с содроганием осознает свою вдруг открывшуюся перед ним душевную нищету.

Случайный собеседник советует ему не оглядываться назад, а смотреть вперед: «нужно радоваться жизни и как можно лучше использовать остаток дня» [Исигуро 2012: 314] (“The evening’s the best part of the day. You’ve done your day’s work. Now you can put your feet up and enjoy it” [Ishiguro 1993: 243]). Когда-то Стивенс считал своим долгом не соглашаться заранее с поражением. Он и сейчас решил принять за лучшее тот образ жизни, который был свойствен ему долгие годы, с еще большим рвением служа новому хозяину, прикидывая, как целесообразнее отвечать на бесконечные подтрунивания Фарадея. Герой компромисса и приспособленчества решил продолжать играть свою роль лакея до конца.

Исигуро неоднократно подчеркивал, что он состоялся как личность в «идеальное» время

конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда молодое поколение (молодые люди его возраста) выросли с мыслью, что они должны изменить мир и что это их обязанность. Исигуро был членом многих политических групп и участвовал в качестве волонтера во многих социальных проектах. У его сверстников были прекраснотушные идеалы. Однако жизнь все усложнялась, и в настоящий момент, по мнению писателя, «на многих из нас лежит тяжелая ноша ответственности за все, что происходит в стране: кто находится у власти, какие решения принимает правительство, что значит быть гражданином демократической страны» (“I have this notion that it’s up to people like me, ultimately, to decide on the big questions, how the country is run, the decisions the government makes – because this is what it means to be a citizen in a democratic country” [Ishiguro 2008: 101]). По его мнению, каждый член общества выполняет свои текущие обязанности, живя надеждой на лучшее будущее: «Мы не возглавляем правительство, не являемся инициаторами государственных переворотов, но мы работаем, работаем на нанимателя, или на организацию. Конечно, наш вклад в общее дело достаточно мал, но мы уверены, что те, кто находится наверху социальной лестницы, используют наш вклад в общее дело в справедливых целях. Другими словами, все мы напоминаем дворецких, поэтому я и остановил свой выбор на дворецком» (“Most of us, we don’t head governments or lead coup d’etats. What we do is we do a job, we work for an employer or organization or maybe some cause – political cause – and we just do a little thing. We hope that somebody up there, upstairs uses our little contribution in a good way. In other words we’re rather like butlers. And so I ended up with this figure of a butler” [Ishiguro 2008: 101]).

Исигуро поясняет, что Стивенс из романа «Остаток дня» прекрасно исполняет свои служебные обязанности, умеет подавать чай, гордится тем, как умело управляет домом, тем, что творится в мире. Сам дворецкий считает, что он не может выносить решение, как лучше управлять миром, т. е. он отказывается от ответственности за то, что происходит вокруг него в политической жизни. Но ведь хозяин, на которого он работает, – сторонник нацистов, т. е. косвенным образом дворецкий становится пособником нацизма, молчаливо соглашаясь с идеологией хозяина поместья. И в этом, полагает Исигуро, одна из трагедий дворецкого. Следовательно, проблема ответственности личности за все происходящее в мире становится в этом романе определяющей, по мнению писателя.

Исигуро замечает, что довольно часто дворецкий в художественной литературе изображается нелепым, напыщенным – карикатурным. Но

Исигуро подчеркивает, что ему хотелось показать не схему, а живого человека, со всеми присущими ему слабостями и недостатками, человека, который отказывается «жить чувственно»: «я пытаюсь описать портрет человека, который считает, что он ищет определенного в жизни, то, что называется высшим достоинством, а на самом деле оказывается малодушием и бегством от пугающих человеческих эмоций... где-то в глубине души он ощущает симпатию экономки, но игнорирует ее чувства, поскольку уверен, что обязанность дворецкого – не проявлять эмоций, а лучше всего отрешиться от них совсем» (“I try to paint the portrait of a man by pretending that he’s being utterly professional, by pretending that he’s seeking out some sort of special dignity, is really just hiding, is really just cowardice. He just retreats and hides from that arena of scary human emotions. ...Somewhere deep down, he sees the love emanating from the housekeeper... and ignore it... saying that he is this dedicated professional butler. And that it’s the duty of the butler not to have any emotions and to him, that’s a kind of a professional perfection” [Ishiguro 2008: 102]).

По сути, это образ обывателя, внешне совершенно безликого, но опасного своей аполитичностью и равнодушием к движению истории. Обращение к социально-политической теме позволило Исигуро придать роману «политическую остроту и непреходящую актуальность» [Минина 2018: 78].

На наш взгляд, анализируемый роман Исигуро можно поместить в интеллектуальный ряд произведений, о которых американская исследовательница Маргарет Сканлан пишет: «Taken as a whole, these novels witness the power of post-war British fiction to identify the problems of understanding and responding to history in the twentieth century and the ability of a disparate group of writers, through modernist concerns with consciousness and distinctive accents of individual voices, to examine those problems. Certainly the writers examined are not the only British writers whose demonstrate a marked consciousness of public history. ...Yet the novels considered have more than local significance, testifying as they do their authors’ understanding of an intellectual universe in which we all live – one in which subject of history is fragmented and uncertain and from which the ungrounded imagination no longer seems to offer escape. This intellectual universe corresponds to some of the political and historical world the writers describe. ...In their unillusioned portrayal of the consequences of such anxieties, these novelists testify to the still vital role of fiction in shaping our understanding of history» [Scanlan 1990].

В свое время Г. Флобер требовал от авторов проявлять объективность, т. е. нейтральность,

беспристрастность и *impassibilité*. Современный теоретик литературы Уэйн Бут, как бы отвечая на подобное заявление Флобера, задается вопросом: “How could anyone ever believe that the author’s intentions about a work are irrelevant to how we read it?” [Phelan, Rabinowitz 2005]. Бут полагал, что субъективность автора неизбежна. На наш взгляд, авторский голос К. Исигуро отстаивает этическую формулу ответственности искусства в решении глобальных проблем бытия.

Список литературы

Воротникова А. Э. Смерть памяти в романе Э. Елинек «Дети мертвых» // Постмодернизм и культурная память: проблема ценностных ориентиров: материалы всерос. конф., Воронеж, ВГУ, 30–31 окт. 2010 г. / под ред. М. Н. Недосейкина, С. Н. Филюшкиной, Д. А. Чугунова. Воронеж: ИИТОУР – полиграф, 2010. С. 66–87.

Гей Н. К. Память историческая и память художественная // Память литературного творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 171–210.

Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман. Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2011. 320 с.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 384 с.

Зотов А. Ф. Современная западная философия: учеб. пособие. М.: Проспект, 2012. 608 с.

Исигуро К. Остаток дня. СПб.: Эксмо, 2012. 317 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

Минина В. Г. Произведения Исигуро как отражение основных тенденций развития современного британского романа // XXX Пуришевские чтения. «Тезаурус и личность ученого» / отв. ред. М. А. Дремов. М.: МПГУ, 2018. С. 77–78.

Селитрина Т. Л. Текст-герой-автор (заметки о творчестве К. Исигуро) // Память и нарратив: сб. ст. / под ред. С. Н. Филюшкиной, Д. А. Чугунова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. С. 166–171.

Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 282 с.

Хаттон Патрик Х. История как искусство памяти. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. 423 с.

Шевченко Ю. П. Английский юмор: стереотип или реальность (роман К. Исигуро «Остаток дня») // Античность-современность (Вопросы филологии): сб. науч. работ. Донецк, 2017. Вып. 5. С. 421–429.

Шмидт В. Нарратология. М.: Языки слав. культуры, 2008. 302 с.

A companion to Narrative Theory / ed. by James Phelan, Peter J. Rabinowitz. Blackwell Publishing, Malden, MA., 2005. 571 p.

Conversations with Kazuo Ishiguro / ed. by B. W. Shaffer a. C. F. Wong. University Press of Missisipi, 2008. 224 p.

Ishiguro K. *The Remains of the Day*. Vintage International ed., 1993. 245 p.

Petry M. ‘Narratives of Personal Pasts’: Kazuo Ishiguro in the Context of Postmodern British Fiction. URL: <http://www.gradnet.de/papers/pomo99.papers/Petry99.htm> (дата обращения: 15.05.2018).

Scanlan M. *Traces of another time. History and politics in postwar British fiction*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1990. 211 p.

Shaffer Brian W. *Reading the Novel in English 1950–2000*. Blackwell Publishing, Malden, MA., 2006. 265 p.

References

Vorotnikova A. E. *Smert’ pamyati v romane E. Elinek «Deti mertvykh» [The death of memory in E. Jelinek’s novel ‘The Children of the Dead’]. Postmodernizm i kul’turnaya pamyat’: problema tsennostnykh orientirov. Materialy vserossiyskoy konferentsii. Voronezh, VGU, 30–31 oktyabrya 2010 g. [Postmodernity and cultural memory: the problem of value orientations. Proceedings of the all-Russian conference, Voronezh, VSU, October 30–31, 2010]. Ed. by M. N. Nedoseykina, S. N. Filyushkina, D. A. Chugunova. Voronezh, ИТОУР – Poligraf Publ., 2010. P. 66-87. (In Russ.)*

Gay N. K. *Pamyat’ istoricheskaya i pamyat’ khudozhestvennaya [Historical and artistic memory]. Pamyat’ literaturnogo tvorchestva [Memory of literary creativity]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 171–210. (In Russ.)*

Dzhumaylo O. A. *Angliyskiy ispovedal’no-filosofskiy roman [English confessional philosophical novel]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press, 2011. 320 p. (In Russ.)*

D’yakonov I. M. *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney [Ways of history. From ancient times to the present day]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publisher, 1994. 384 p. (In Russ.)*

Zotov A. F. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Uchebnoe posobie. [Modern Western philosophy. Textbook.] Moscow, Prospekt Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)*

Ishiguro K. *Ostatok dnya [The Remains of the Day]. St. Petersburg, Eksmo Publ., 2012. 317 p. (In Russ.)*

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of literary text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)*

Minina V. G. *Proizvedeniya Isiguro kak otrazhenie osnovnykh tendentsiy razvitiya sovremen-*

nogo britanskogo romana [Ishiguro's works as a reflection of the main trends in the development of the modern British novel]. 30 *Purishevskie chteniya. Tezaurus i lichnost' uchenogo* [The 30th Purishev Readings. The thesaurus and the personality of the scientist]. Ed. by M. A. Dremov. Moscow, MSPU Publ., 2018, pp. 77–78. (In Russ.)

Selitrina T. L. *Tekst-geroy-avtor (zametki o tvorchestve K. Isiguro)* [Text-Hero-Author (notes on K. Ishiguro's works)]. *Pamyat' i narrativ. Sbornik statey* [Memory and the narrative. Collected papers]. Ed. by S. N. Filyushkina, D. A. Chugunova. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2012, pp. 166–171. (In Russ.)

Sidorova O. G. *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti 20 veka v kontekste literatury Velikobritanii* [British postcolonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2005. 282 p. (In Russ.)

Patrick H. Hatton *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 423 p. (In Russ.)

Shevchenko Yu. P. *Angliyskiy yumor: stereotip ili realnost' (roman K. Isiguro «Ostatok dnya»)* [English humor: the stereotype or reality (K. Ishi-

guro's novel 'The Remains of the Day']. *Antichnost'-sovremennost' (Voprosy filologii). Sbornik nauchnykh rabot. Vyp. 5.* [Antiquity-modernity (The issues of philology). Collection of scientific works. Issue 5]. Donetsk, 2017, pp. 421–429. (In Russ.)

Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 302 p. (In Russ.)

A companion to Narrative Theory. Ed. by James Phelan, Peter J. Rabinowitz. Malden, MA., Blackwell Publishing, 2005. 571 p. (In Eng.)

Conversations with Kazuo Ishiguro. Ed. by B. W. Shaffer and C. F. Wong. University Press of Mississippi, 2008. 224 p. (In Eng.)

Ishiguro K. *The Remains of the Day.* Vintage International ed., 1993. 245 p. (In Eng.)

Petry M. 'Narratives of Personal Pasts': Kazuo Ishiguro in the Context of Postmodern British Fiction. Available at: <http://www.gradnet.de/papers/pomo99.papers/Petry99.htm/>. (accessed 15.05.2018). (In Eng.)

Scanlan M. *Traces of another time. History and politics in postwar British fiction.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press. 211 p. (In Eng.)

Shaffer Brian W. *Reading the Novel in English 1950–2000.* Malden, MA., Blackwell Publishing, 2006. 265 p. (In Eng.)

MEMORY AND NARRATIVE IN KAZUO ISHIGURO'S 'THE REMAINS OF THE DAY'

Tamara L. Selitrina

Professor in the Department of Germanic and Romanic Linguistics and Foreign Literature

M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University

3, Oktyabrskoy revoliutsii st., Ufa, 450025, Russian Federation. Selitrina@yandex.ru

SPIN-code: 8794-0210

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0357-2218>

ResearcherID: S-5226-2016

Submitted 18.05.2018

Russian literary critics usually regard Ishiguro's *The Remains of the Day* as a kind of travelogue telling about the phenomenon of 'Englishness' and English restraint. Some even mention the influence of Japanese mentality and Japanese philosophy on the image of the protagonist – Stevens, a butler. Based on the writer's own statements, the article shows that his objective was not to depict the everyday life of a typical English butler in the middle of the last century. On the contrary, Ishiguro tried to reveal two problems, vital and relevant in his view: the political and the psychological ones. The purpose of this article is to show on the material of the novel how memory and narrative intersect in the organization and comprehension of life experience, formalizing it into a verbal story of the protagonist. The category of narrative allows one to go deeper in revealing the process of semantic formation at the level of plot construction. Narrative gives a status of the event to the contents; moreover, there are two events: the event which is narrated and the event of the story itself. It is shown that one of the characteristic features of the art of narratology in Ishiguro's works is the plot event, the movement of the character across the border of the semantic field. The basis of the plot is a clash of misconception of a man and the universe with the true conception. The life and fate of Stevens, his understanding of the dignity of a person turned out to be imaginary and false, and the character can be related to Heidegger's *Das Man*, as he chooses unreal existence, mindlessly adapting to the established order and samples.

Key words: Kazuo Ishiguro; *The Remains of the Day*; political novel; psychological novel; memory; narrative; Yuri Lotman; Wolf Schmidt; contemporary English literature; image of a butler.